

РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОЗНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

З.У. Омарова

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА "РЕЛИГИЯ"

Аннотация. Современное российское общество особенно остро переживает процессы, происходящие в религии и связанные с ней. Эти процессы сопровождаются противостоянием сторонников разных взглядов и выливаются в крайне поляризованные позиции и острую полемику в средствах массовой информации.

Вполне очевидно, что при обращении к вопросам религии обойтись без оценочных характеристик, которые отражают личный опыт и убеждения исследователя, крайне сложно. Отношение к процессу религиозного познания опосредованно сакральным характером личностного отношения с одной стороны и попыткой рационализировать, стремлением к взвешенности и объективности с другой, что свойственно практике научного исследования, хотя полностью избежать пристрастности вряд ли представляется возможным. В такой ситуации крайне важно выработать отношение к религии вне конъюнктурной заданности, и не маловажной представляется позиция, в которой отсутствует демонстративный нейтраллизм.

Ключевые слова: философия, религия, познание, самосознание, интерпретация, человеческое бытие, сверхъестественное, вера, трансцендентное, общественное сознание.

Современное российское общество особенно остро переживает процессы, происходящие в религии и связанные с ней. Эти процессы сопровождаются противостоянием сторонников разных взглядов и выливаются в крайне поляризованные позиции и острую полемику в средствах массовой информации.

Вполне очевидно, что при обращении к вопросам религии обойтись без оценочных характеристик, которые отражают личный опыт и убеждения исследователя, крайне сложно. Отношение к процессу религиозного познания опосредованно сакральным характером личностного отношения с одной стороны и попыткой рационализировать, стремлением к взвешенности и объективности с другой, что свойственно практике научного исследования, хотя полностью избежать пристрастности вряд ли представляется возможным. В такой ситуации крайне важно выработать отношение к религии вне конъюнктурной заданности, и не маловажной представляется позиция, в кото-

рой отсутствует демонстративный нейтраллизм. Другое дело, что будет преобладать в позиции познающего и какие цели он ставит. С одной стороны, исследователь не может быть полностью исключен из процесса описания бытия, т.к. его вовлеченность уже сама по себе определяет ход его описания, — радикально исключить себя можно лишь на мгновение, прервав факт своего существования, осуществив нечто подобное клинической смерти. А с другой, получается, что наблюдатель и наблюдаемое, как субъект и объект, неразрывно связаны между собой, взаимообусловлены; являясь друг другу одновременно и причиной и следствием, они конструируют событие, каждый из участников которого, будучи исключенным, тем самым исключает и все событие целиком. В этой логике работает альтернативный подход к изучению религии, суть которого заключается в том, что религия должна пониматься из нее самой, а не подменяться интерпретацией через ее социально-экономические причины и

Работа выполнена в рамках ФЦП ГКН№П864 от 18.08.2009 г.

культурно-исторические влияния. Н.А. Бердяев это называет «религиозной точкой зрения», поскольку «на религию нельзя смотреть со стороны, — со стороны ничего почти не видно»¹. Итак, для того, чтобы исследовать надлежащим образом феномен религии, необходимо быть в контексте религиозности, другими словами необходимо иметь религиозный опыт.

Очевидно, что сохранение субъектно-объектной дихотомии для сущности религиозного сознания становится крайне затруднительным. Следовательно, мы должны исходить из принципа фундаментальной онтологии М. Хайдеггера: его мысль — это «онтология: слово о том, что всегда уже есть прежде, чем человек начинает свою работу осознания».

Религию можно рассматривать с разных точек зрения: с моральной, эстетической, антропологической, исторической, социально-экономической, физиологической, все они раскрывают какой-то определенный аспект религиозного бытия. Ценность такого исследования, может быть, в определенной мере условна, поскольку, как отмечает Н. Бердяев, «понять тайну всякой религии можно только религиозно. В исследовании религии не только объект, но и субъект должен быть религиозен, субъект должен переживать религиозные ценности». В этом аспекте, возникают религиозные смыслы; и исследование формирования религиозных представлений, механизмов функционирования религиозного сознания и его продуцирования становится одной из центральных задач. Пренебрегая собственным опытом, исследователь сам ограничивает себя, когда выстраивает субъектно-объектную дихотомию, ведь именно так можно расценить позицию «стороннего наблюдателя», онтологически исключаящего себя из существа того круга вопросов, на который надлежит получить ответ.

Философское исследование дополняет анализом смысловых оснований содержания религиозной жизни, обоснованием структуры религии с точки зрения ее роли и функционирования в социуме, поскольку субъектом религии, индивидуальным или совокупным, являются реальные люди, объединенные в каждый конкретно-исторический период системой взаимоотношений на основе социальных связей, поэтому необходимым аспектом религиоведческих исследований явля-

ется философская составляющая. Философия религии дает совокупный портрет верующих и религиозных объединений в соответствии смысловым содержащим их жизнедеятельности, рассматривает религиозное поведение в социальном измерении и как таковое соотносит его с другими общественными явлениями.

При любой интерпретации религия всегда неразрывно связана с человеком, его сознанием и поведением, и вне этого отношения рассматриваться не может. Необходимым пространством существования религии как формы общественного сознания и ее проявлений в виде конкретных конфессиональных традиций всегда выступает человеческая история или, точнее, социально-исторический процесс. Преодоление упрощенно-схематического подхода к религиозной проблематике как чему-то совершенно самостоятельному и безотносительному становится важнейшим требованием научного исследования религии. Иначе приходится иметь дело с искусственными моделями религии, оторванными от действительных обстоятельств ее существования.

Вместе с тем нельзя упускать и присущую религии определенность, позволяющую отличать ее от прочих форм общественного сознания. Поэтому дальнейшая интерпретация религии требует выяснения ее ключевых классификационных признаков, оснований и мотивов религиозной идентификации тех или иных явлений социально-исторического процесса.

Поскольку приходится пользоваться термином (религия), заимствованным из иной, нежели наука, области духовной жизни, а определений религии существует такое множество, что наращивать их число еще одной было бы делом, по меньшей мере, сомнительным; в контексте научного изучения это представляется тем более рискованным. В конфессиональной среде термин имеет иную содержательность, далеко не обязательно адекватную смысловой нагрузке, которая придается ему научным дискурсом. Вероятно, что духовные системы, рожденные конкретными социокультурными общностями, не нуждаются во внешнем обобщающем понятии для объединения себя с другими в некий класс, поэтому присущие им самоназвания рассчитаны, на интуитивное понимание и не сопровождаются сколь-нибудь строгими определениями.

Статус глобально применимого и чуть ли не обязательного получило в научной лексике понятие религии. Научная мысль придала ему

¹ Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. М.: изд. Канон +, 2010. С. 7.

всеобщность и стала обозначать посредством его самый широкий спектр явлений, на самом деле не поддающихся сведению к одному понятию. «Чтобы дать названия своим действиям, верованиям и различным аспектам своей социальной жизни, люди не дожидались, пока все это станет объектом беспристрастного изучения. Поэтому история большей частью получает собственный словарь от самого предмета своих занятий. Она берет его, когда он истрепан и подпорчен долгим употреблением, а вдобавок часто уже с самого начала двусмыслен, как всякая система выражения, не созданная строго согласованным трудом специалистов», — это печальная неизбежность, которую на примере исторической науки некогда констатировал М. Блок.

Термин «religio» выводится из латинских слов, имеющих различающиеся смыслы, и его происхождение объясняется по-разному. Чаще всего даются ссылки на трактовку либо римским мыслителем I в. до н. э. Цицероном — как производное от «relcgrе» (приступать заново; вновь собирать все, что относится к предмету почитания), либо христианским писателем рубежа III-IV вв. Лактанцием — как образованное от «religare» (воссоединять, восстанавливать связь)². В обоих случаях подразумевается благоговейное отношение человека к чему-то совершенно иному, нежели он сам в своем естестве, и притом жизненно необходимому.

Вероятно, что о религиозной направленности сознания можно всегда говорить там, где наличествуют представления об ином мире или каких-то явлениях, качественно отличающихся от всего земного, посястороннего, физически воспринимаемого. Предмет этих представлений мыслится как трансцендентный, сверхчувственный и потусторонний, который находится за пределами природной и социальной реальности, тем самым наделяется статусом сверхъестественного. Трансцендентность сверхъестественного исключает его из сферы чувственного опыта и рационального познания, что просто превосходит человеческий разум и все умопостижимое, поэтому главным способом апелляции к сверхъестественному становится вера. Однозначно определить феномен веры невозможно. П. Тиллих отмечает, что «вера — это понятие, и это реальность которую трудно ухватить

и описать»³. Подобное определение довольно пространно и требует уточнения, т.к. оно охватывает разные, не обязательно религиозные контексты веры. Поэтому для религиозной веры требуется уточнение: ее основным свойством является вера в истинность выбранных человеком конфессиональных положений, которая не нуждается ни в объективных доказательствах, ни в критическом осмыслении. Опытная проверка истинности оснований веры здесь неприемлема, т.е. любая попытка свидетельствует о сомнении и утрате веры.

Любая попытка объяснить специфику религиозного сознания заранее неудачна, потому что с точки зрения материального — сверхъестественное не существует, а с другой позиции — это то, что находится за пределами разума, т.е. не подлежит разумному объяснению. И, тем не менее, не смотря на то, что онтологичность сверхъестественного может быть поставлена под сомнение, существование понятий выражающих таковую, бесспорна. Каждая религия имеет свою собственную идею сверхъестественного, которая представлена как непреложная истина. Для исповедания веры, тем более для обыденного сознания верующего — любые рассуждения на данную тему оказываются излишними.

Культовая практика, которая занимает в религии особое место, является регламентом религиозного поведения, устанавливает жесткие правила и последовательность обрядовых действий. Такая практика реализует потребность людей в общении с предметом веры и его почитание. Обязательным явлением становятся переживания и эмоциональные порывы, которые реализуются в различных состояниях от ужаса, до катарсиса. Однако следует отметить, что эти эмоции, по своему психическому и физиологическому состоянию ничем не отличаются от других, проявляемых не в религиозной ситуации состояниях.

Удвоение мира, вера в его сверхъестественное начало — составляют наиболее фундаментальные установки религиозного сознания. Очевидно, что понятие сверхъестественного требует высокой степени абстракции, мышления посредством отвлеченных категорий.

Поэтому далеко не лишними будут выявление и специальный анализ феноменов, в совокупности составляющих единую социокультурную систему, но имеющих в ней различный удельный вес,

² Азбука христианства: Словарь-справочник важнейших понятий и терминов христианского учения и обряда / Сост. А. Удовенко, священник. М.: МАИК Наука, 1997. С. 210.

³ Тиллих П. Динамика веры / пер. с англ. // Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М.: Юрист, 1995. С. 133.

место и значение. Применительно к исследуемой тематике это дает возможность приблизиться к пониманию как общих тенденций религиозной жизни, так и специфических ее корреляций.

Существует и убеждение, выводящее истоки религии за грань исключительно человеческих проявлений, т. е., по сути, — за социокультурные пределы. Данная точка зрения исходит из того, что человек не в праве претендовать на роль меры всех вещей, даже если его рассматривать как «венец мироздания». Основанием этого подхода являются представления об онтологичности сакрального, ярким примером чего стала идея реальности сверхъестественного начала. Оно выступает как Творец и потому человек, со всем окружающим его миром, вторичен (сотворен). Поскольку религиозный объект наделяется абсолютными качествами (в нем нет изъянов, он совершенен), верующими земное бытие воспринимается, в сравнении с этим идеалом, как несовершенное, ущербное, греховное. Связывая человека с благим смыслом сверхъестественного, религия как бы поднимает его до уровня высшего совершенства.

В подобной тональности обычно выстраиваются конфессиональные, то есть сопряженные с личным вероисповедным опытом, представления о природе и сущности религии. Как не раз отмечалось, при всех доктринальных, культовых и организационных различиях, им свойственна общность в главном — происхождение религии относится к сверхъестественному первоначалу, а содержание усматривается в связи человека с предметом веры. Этот тезис, как правило, служит стержнем аргументации в пользу безусловной истинности того или иного религиозного учения. Если жизнь человечества считается порождением абсолютного первоисточника бытия, то связь сотворенного с Творцом — религия — не может быть фикцией для носителей такого убеждения. Искажения религии при этом не исключаются, но вину за них несет только человек. На этом, по существу, традиционные конфессиональные интерпретации природы религии и исчерпываются.

Религиозная идентификация личности — явление не одномерное, многоуровневое, существующее и как динамичный процесс, и как фиксированное состояние. В ряду «процессуальных» его характеристик можно указать на пребывание личности в ситуации выбора вероисповедной системы, на утверждение человеком себя в религиозном пространстве адекватными среде способами, на корректировку отношения к окружающему в

связи с принятыми ритуально-культовыми нормами. «Статика» раскрывается через регулярное воспроизведение устойчивых взглядов и форм поведения, свойственных избранной религии. И то, и другое обнаруживается на любом этапе или уровне религиозной идентификации. Можно выделить несколько таких уровней.

Само по себе это состояние «вообще религиозности» может быть весьма длительным и вполне достаточным для духовного самоопределения. Но при интенсификации воздействий, стимулирующих религиозные потребности, оно довольно быстро сменяется переходом на уровень конкретно-конфессиональной принадлежности. Заметное влияние на такой переход оказывают факторы этнокультурного и социального характера. В частности, отнесение себя к какой-либо конфессии, как правило, обусловлено более фундаментальной для повседневности — национальной идентификацией («русский — православный», «поляк — католик», «японец — синтоист» и т.д.). Динамичным моментом на этом уровне оказывается подвижность ценностных акцентов в зависимости от социокультурного контекста религиозных отношений. В периоды социальных потрясений, например, конфессиональная принадлежность в глазах ее носителей может перерасти из локализованного и сосредоточенного на культе состояния, в движущую силу преодоления политических и духовно-нравственных кризисов.

Следующим уровнем можно считать определение человеком своего места внутри конфессии. Не вдаваясь в типологию верующих и проблему критериев религиозности заметим, что этот уровень включает внушительное множество градаций и оттенков (служитель — прихожанин, клирик — мирянин, активно практикующий — колеблющийся и пр.), а также — «лифтовое» перемещение в рамках конфессиональной структуры.

Своеобразной надстройкой в сложении религиозной личности оказывается отношение к иным мировоззренческим, конфессиональным или светским, системам. Здесь идентификационный процесс сопровождается, в зависимости от обстоятельств и персональных особенностей, несколькими специфическими проявлениями: наступательной апологетикой и навязыванием своих убеждений; назидательно-поучающим, но не агрессивным отношением к оппонентам; попытками диалога и «мирного сосуществования».

Конечно, данные характеристики и различие уровней религиозной идентификации не

являются исчерпывающими, да и в известной мере условны. Реальное бытие личности в религии трудно, если это вообще возможно, описать однозначной схемой. Тем не менее, в целях исследования, подобный схематизм уместен, поскольку позволяет зафиксировать некоторые действительно присущие религиозной жизни явления.

Приведенные выше подходы к интерпретации религии в большей или меньшей степени включают в свой оборот социальное измерение религиозной жизни. В каких-то случаях социум рассматривается как единственная мера для понимания религии. В иных принципиальной становится апелляция к внутреннему миру человека, его переживаниям, религиозному опыту. Но и здесь не игнорируется мирской контекст бытия религии, ее социальная обусловленность. Идея сверхъестественного, как будто выводящая религию из запредельной для культуры инстанции, имеет жизненное значение лишь тогда, когда она присутствует и господствует именно в человеческом сознании. Проще говоря, вне человека, его интеллекта и потребностей она утрачивает смысл. Поэтому допустимо предположить сугубо человеческую природу самого представления о сверхъестественном. Любые религиозные идеи и образы возникают и существуют только в человеческом сознании. С их помощью люди объясняют окружающий мир и свою жизнь в этом мире. В религиозных понятиях происходят освоение и усвоение всего, что, так или иначе связано с человеческой жизнедеятельностью — от вещества и процессов природы до нравственного опыта поколений и форм социальной организации. Религия действительно «творит» культуру, но лишь в качестве одной из разновидностей целенаправленной человеческой деятельности. Наряду с религией в культурно-историческом движении общества действует множество других, не менее важных факторов. Специфика религиозного сознания проявляется, скорее, в особой «расстановке» идей и представлений, посредством которых мыслится мир человека.

Уже первое и самое главное в религии — вера в сверхъестественное и стремление достичь связи с ним — возникает только тогда, когда человек осознает принципиальное значение для себя предмета веры и в то же время ощущает отчетливую противоположность и разрыв с ним. Представляя сверхъестественное как источник мироздания и движущую силу всех жизненных процессов, религиозное сознание вызывает острое пережи-

вание человеком разьединенности с абсолютным началом. Религия, таким образом, предполагает обязательное наличие субъекта (верующего) с достаточно развитым самосознанием, выделяющего себя из окружающей среды и осознающего зависимость собственного существования от сверхъестественного. Свойственные религии образы требуют от верующего определенной способности к абстрактному мышлению (наглядный пример — понятие Бога как абсолютной трансцендентной сущности). Уяснить смысл религиозных абстракций — значит попытаться выяснить, что именно становится предметом религиозного мышления, точнее — что отражается в человеческом сознании через мистические образы, порождая религиозное мировосприятие.

Нелишне заметить, что с этой задачей связан поиск ответа на вопрос об исторических условиях, когда человек поднимается до осознания своей потребности в связи со сверхъестественным, т. е. о происхождении религий. Этот сакраментальный вопрос — из числа вечных для наук о религии. Очень удачно по его поводу высказался Э. Дюркгейм; «Если под происхождением понимать абсолютное первоначало, то постановка вопроса будет совершенно ненаучна и ее следует решительно отвергнуть. Не существует четкого мгновения, когда начала существовать религия, и речь не идет об обнаружении хитроумного способа, позволяющего мысленно перенестись в него. Как и всякий созданный человеком институт, религия не начинается нигде. Поэтому все умозрительные построения такого рода справедливо дискредитированы; они могут заключаться лишь в субъективных и произвольных конструкциях, не поддающихся никакой проверке»⁴. Дело, следовательно, не в изысканиях на тему исторического времени возникновения религии, а в выяснении постоянно действующих причин, от которых зависят наиболее существенные формы религиозного мышления и практики.

Для религиозного понимания человека, особенно в теистических учениях — иудаизме, христианстве, исламе, — аксиомой является априорность сознания, сформированного и как бы «запрограммированного» творящим первоначалом. Идея сверхъестественного полагается

⁴ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии / пер. с фр. // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. М., 1998. С. 181

исходно заложенной в человеке и определяющей поведение людей на протяжении всего их земного пути, В этом случае быть человеком — значит быть религиозным существом, имеющим от рождения потребность в связи с Творцом. Все в человеческой жизни — от личностно-интимных сторон до участия в социальных процессах — измеряется степенью соответствия вероисповедному «алгоритму». При таком подходе возникновение религии относится к моменту сотворения человека сверхъестественным первоначалом. Думается, что это представление делает излишним содержательный анализ любых религий. Фактически все они будут выступать как модификации одной об-

щей идеи, различаясь только терминологическим аппаратом вероучений и последовательностью культовых действий. В то же время серьезное размышление о религии невозможно без выяснения ее «посюсторонних» истоков, причин и истории возникновения, влияния на общественные процессы. Обращение к этим вопросам сразу же раскрывает множество несовпадающих, подчас полярных оценок, суждений, теоретических построений. Очевидно, что противоречивость во взглядах и способах объяснения религии коренится в расхождении мировоззренческого, идеологического и политического плана, в пристрастиях и нравственных ценностях людей.

Список литературы:

1. Азбука христианства: Словарь-справочник важнейших понятий и терминов христианского учения и обряд / Сост. А. Удовенко, священник. М.: МАИК Наука, 1997. С. 210.
2. Антология русской классической социологии: Тексты / Сост. Д.С. Климентьев, Л.Н. Панкова. М.: Изд. Моск. Университета, 2005.
3. Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. М.: изд. Канон +, 2010.
4. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. 2-е изд., доп. / Пер. с фр. М.: Наука, 1986.
5. Булгаков С. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994.
6. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии / пер. с фр. // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. М., 1998.
7. Тиллих П. Динамика веры / пер. с англ. // Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М.: Юрист, 1995.
8. Мень А.В. История религии: В поисках Пути, Истины и Жизни: В 7-и тт. Т. 1. Истоки религии. М.: СП Слово, 1991.
9. Санчурский К. В. Римские древности: Учебное пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995.
10. Словарь античности / Сост. И. Ирмшер, Р. Ионе / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1989. С. 480.

References (transliteration):

1. Azbuka khristianstva: Slovar'-spravochnik vazhneyshikh ponyatiy i terminov khristianskogo ucheniya i obryada / Sost. A. Udoenko, svyashchennik. M.: MAIK Nauka, 1997. S. 210.
2. Antologiya russkoy klassicheskoy sotsiologii: Teksty / Sost. D.S. Kliment'ev, L.N. Pankova. M.: Izd. Mosk. Universiteta, 2005.
3. Berdyayev N.A. Novoe religioznoe soznanie i obshchestvennost'. M.: izd. Kanon +, 2010.
4. Blok M. Apologiya istorii, ili Remeslo istorika. 2-e izd., dop. / Per. s fr. M.: Nauka, 1986.
5. Bulgakov S. Svet nevecherniy: Sozertsaniya i umozreniya. M: Respublika, 1994.
6. Dyurkgeym E. Elementarnye formy religioznoy zhizni. Totemicheskaya sistema v Avstralii / per. s fr. // Mistika. Religiya. Nauka. Klassiki mirovogo religiovedeniya. Antologiya. M., 1998.
7. Tillikh P. Dinamika very / per. s angl. // Tillikh P. Izbrannoe. Teologiya kul'tury. M.: Yurist, 1995.
8. Men' A.V. Istoriya religii: V poiskakh Puti, Istiny i Zhizni: V 7-i tt. T. 1. Istoki religii. M.: SP Slovo, 1991.
9. Sanchurskiy K.V. Rimskie drevnosti: Uchebnoe posobie. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1995.
10. Slovar' antichnosti / Sost. I. Irmsher, R. Ione / Per. s nem. M.: Progress, 1989. S. 480.